

Все тот же Солженицын

дим. Россия — 1998 — 25 дек. — с. 4

Когда колеса солженицынского пульмана стучали по Транссибу, им в такт, по всей нашей необъятной, у многих отдавалось в перепонках: «Спаси-тель-едет! — Месси-я-едет! Спаси-тель-едет! — Месси-я-едет!» Дожили. Выдо-жили. Вот погодите ужо, мироеды! Пожалуем-ся мы на вас. Попечалуемся. Есть теперь кому. Спаситель едет! Мессия едет! Расскажем, как обижают нас, как теснят и гнетут бояре коварные и десятники ловкие. Как обобрали они нас дочиста, не погнувшись даже стариоковскими гробовыми-похоронными. Как бесприютны ми сиротами нас сделали на своей землице.

И вот Великий Старец на родине. Все ждали от него слова. Это было впечатляюще. Великий Старец говорил веско, проникновенно. Он говорил на площадях, в собраниях, с главной го-сударственной трибуны, перед самим ареопагом он говорил. Современные технические дивности позволили ему быть услышанным и уви-денным в каждом доме, донесли его вещее пламенное слово до каждой души. Он учил, он просил, он убеждал, уговаривал, увещевал, порицал, изобличал. Его речи несли заряд та-кой колоссальной энергетической силы, что действительно казалось — они способны пере-тянуть мир. Но шли недели, месяцы. Минул год, другой. А чуда почему-то не происходило.

Правдивое слово Великого Старца не перетя-гивало мира. Он говорил, а мир слушал и жил обычной своей, безблагодатной жизнью, как жил до его триумфального возвращения. Больше того, Великий Старец со своими проповедями как-то незаметно, но верно вписался в общий тон нашей заглушающей народный волю свободы слова. Занял там свою нишу. И в известной мере он теперь даже служил,вольно или невольно, той отвратительной боярской лжи, которую он дол-жен был бы, как многие надеялись, победить.

И тогда, вначале глухо и неуверенно, но потом все отчеливее и настойчивее, народ стал роптать на своего не оправдавшего на-дежд избавителя. И этот туда же. Не устоял. Сребрениками их прельстился. Ни Бога не бо-ится, ни людей не стыдится. Да он ли это?

Дошел ли ропот страдальцев до Великого Старца, или понял он самостоительно, что ложь не только не одолел, а, напротив, уже ей со-действует, но он вдруг решительно прекратил свои проникновенные, но, очевидно, бесполезные выступления. И тогда он оставил мир, ко-торый ему не удалось спасти, и превратился в совершившего затворника. Несколько лет о нем почти ничего не было слышно.

Казалось, одолели хитрецы бояре. Взя-ли свое. Ложь опять восторжествовала. Но рано, рано они праздновали. Перетерпел их Великий Старец. Измор взял. Да и то верно, разве по нему этот сук? Он их пора-зил же оружием. Он не знал вначале или забыл уже, что с ними нельзя сражаться в честном, открытом бою. Все равно обманут. Так дело вывернуто, что самый безза-ветный, самый искренний народный ради-тель будет выглядеть лицемерным, лука-вым, продажным, трусливым. И поэтому он отступил как будто. Не слушаете? мимо ушей пропускаете! хихикаете над тем, как брюзжит старик! — хорошо, не буду. Я ухожу. Перед свиньями бисер ме-теть мне не годится. Он отступил, но не поступился. И в конце концов он им дос-тойно ответил. Поразил их наповал.

Очевидно, тех месяцев, когда Солженицыну дозволялось выступать перед самой широ-кой аудиторией, обращаться напрямую к наро-ду и к власти, когда он пытался что-то сдвинуть здесь, что-то поправить, изменить, этих меся-цев ему хватило, чтобы вполне убедиться, на-сколько все закостенело, насколько все изведено ржачиной всех семи смертельных пороков, насколько поражены самые души лю-дей. И не только власти — это-то само собою, — но и души черни оказались в значительной степени пораженными. Об этом-то власть по-

заботилась очень даже старательно. Такие, изъеденные пороками, души подданных пред-ставляют для нее, власти, меньшую опасность, ибо у них меньше морального права требовать от власти праведного к себе отношения.

И вот, увидев, что нашей вселенской лжи ему противостоять теперь еще тяжелее, чем даже это было в первый славный период его борьбы, — а силы-то уже не те, — увидев, что обычное открытое слово правды в этой новой борьбе не годится, увидев, наконец, что он сам едва не стал орудием лжи, Солженицын прибегнул к своему старому, проверенному, безотказному, неизгившему приему, сформулированному им в свое время в трех лаконичных и прон-зительных заповедях: НЕ ЛГАТЬ! НЕ УЧАСТВОВАТЬ ВО ЛЖИ! НЕ ПОДДЕРЖИВАТЬ ЛОЖЬ!

И Солженицын ушел в подполье в самой демократической стране в мире. Он начал партизанскую борьбу с властью лжи. И он дождался своего часа. Выставил-таки потерявшую бдительность ложь во всей ее неприглядной наготе.

Известно ведь, если Бог кого-то хочет пока-зать, он отнимает разум. Решила власть россий-

ская показать всему свету, как она умеет ценить некоторых заслуженных своих подданных, ну и прежде всего, конечно, себя потешить. Нужны иногда даже самой бездарной власти такие широкие, широкарные жесты — с парадами, с фан-фарами, с награждениями, с рукоплесканиями. Все это придет ей, власти, некоторую респек-табельность. Это очень удобное замещение комплекса вины. Ну и что, говорит власть, что у нас там неполадки, здесь прорехи, зато, посмотрите, кто с нами, кто нас поддерживает, кто пользуется нашим благоволением, кто шею вытягивает под наши ордена. Академики! Известные писа-тели! Любимые артисты! Знаменитые спортсме-ны! Значит, эти люди с нами. Они за нас. Своим участием, своей лояльностью они освящают наши деяния. А значит, мы, несмотря на временные трудности и мелкие недочеты, на верном пути. Они, люди эти, гарантируют нашу правоту.

И вот решила власть таким же манером по-жаловать Солженицыну, самому крупному, самому маститому русскому писателю, челове-ку легендарному, с которым считаются в мире, с мыслями которого соизмеряют свои

мысли целые поколения людей, решила пожа-ловать по случаю его юбилея самую высокую, или, как принято у них говорить, самую пре-стижную, свою награду — орден Святого апо-стола Андрея Первозванного.

Совсем недавно. И о нем стоит сказать несколь-ко слов. Впервые он был учрежден в России государем Петром Алексеевичем. Этот бес-спорно великий и славный орден родился в со-ответствующую величие и славную эпоху, он был под стать эпохе, когда Россия, прирастая терриориями, скрушая «домашних и внешних сопоставов», находилась на невиданном подъе-ме во всем областях жизни: расширялись ста-рые и заводились новые производства, вырас-тали целые города, единственные российские союзники — ее армия и флот — крепчали день ото дня на страже врагам, юноши питали науки, а сам государь ради подданных, лишив себя по-коя, простирая в работу руки. И, естественно, тогда Андреевский орден, наряду с император-ским титулом главы государства и другим, был символом величия России. Реального, добыто-го штыком, созданного руками народа величия.

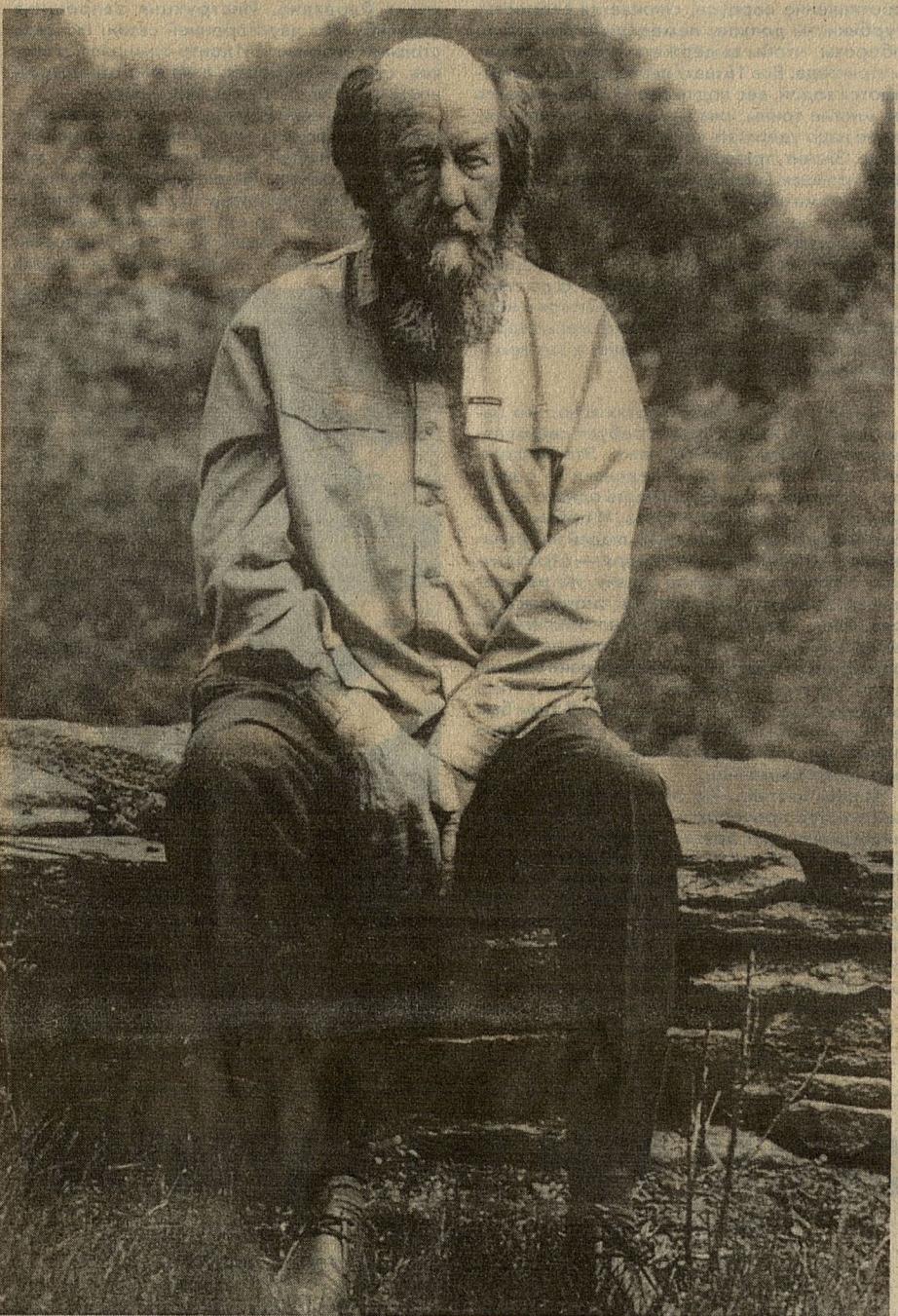
Совершенно обратное, по всем перечислен-ным пунктам, переживает Российское государ-ство сегодня. И в такой ситуации появление вся-кого рода пышных государственных регалий ка-жется не совсем уместным, а равно неумест-ной и даже вызывающей представляется и це-ремониально-парадная, показная сторона жизни нынешнего народа. Что может символизиро-вать новый Андреевский орден? Какую такую славу? И в этом смысле очень показателен при-мер посвящения в орден первого и пока един-ственного его кавалера. Выбор власти выпал тогда на престарелого ленинградского академи-ка. Человек он, безусловно, заслуженный, возможно, достойный самой высокой награды. Но тут вопрос: от кого эту награду получать? из чьих рук? Из рук созидающих Российской государства, из добрых отеческих рук, полу-чить действительно почтенно и лестно. Академи-к же не погнулся принять награду из са-мых неласковых, самых неумелых рук, когда-либо управлявших Россией и ничего, кроме не-приятностей, пока Отечеству не доставивших.

Но, помимо того, слишком уж театраль-но, слишком «мишурно» выглядит и самый знак ордена — эта как гирлянда из метал-лических блях, надеваемая на шею. И опять-таки это придумано для большего эффек-та. Ведь власти в данном случае нужен прежде всего эффект от представления с награждением, политические дивиденды, как говорят. И академику не смутили ни оче-видно показная церемония, ни сам мулляж-ный знак ордена.

Впрочем, академик на самом деле в столь почтенных летах, что ему уже все равно, чем его наградят, — экзотическим ли орденом, значком ли «ГТО», или путевкой в пионерский лагерь. Он всему будет одинаково рад. А це-ремония этого исторического награждения, несмотря на все старания церемониймейст-ров, вышла скорее зрелищем печальным, не-жели торжественным. Эффект получился об-ратный. Сошлись двое, очень, кстати, похожие друг на друга люди. Награждающий — гальванизированная шевелящаяся мумия и сча-стливый кавалер — ровесник Мамрийского дуба — академик. Награждающий, царапая кавалеру уши, неловко надел ему на шею сучальную гирлянду, и оба в изнеможении рухнули на диван. Такая нынче наша слава.

Прошло, однако, время. И власти вновь по-требовалось показать свою состоятельность. Но случилось непредвиденное. Случилось та-кое, от чего изощренная камарилья не смогла даже скрыть своего позорного потрясения, комментируя затем происшедшее. Солжени-цын проигнорировал их высшую награду. Он публично заявил буквально следующее: «От верховной власти, доведшей Россию до дынеш-него ее состояния, я принять награды не могу!» Отказавшись ее принимать, он тем самым по-казал истинную цену их орденам с громкими названиями, он тем самым показал истинную цену самой «верховной власти». Он не стал уча-ствовать во лжи. И не стал поддерживать ложь.

Юрий РЯБИНIN

РЕПЛИКА

ЛЕВАЯ, ПРАВАЯ ГДЕ СТОРОНА?..

В нашем обществе, к сожалению, не переводятся непримиримые ультрарадикалы, апучие кровь, этакие рыцари перманентной общественной бойни, безумного взаимного истребления — как «слева», так и «справа». Это так называемые «профессиональные демократы», то есть заказные горлопаны, луженой глоткой зарабатывающие себе на хлеб. Сегодня в оголтелом отрицании А. Солженицына они оказались, как ни парадоксально, в одном ряду. Опасное, я вам скажу, соседство, этакое лево-правое, а в сущности — кровавое, подобное гремучей смеси, которая, как известно, взрывается путем соединения, казалось бы, не соединимого...

Впрочем, никакого парадокса тут вовсе нет. Еще Сталин подчеркивал: «...Левые — это те же пра-вые, маскирующие свою левизну».

Достаточно мне было в газете «Правда-пять» (№ 72 — 73 от 6 июня 1998 года) назвать Солженицына русским патриотом, как меня одернул некий американский автор российского происхождения Нилов в журнале «Наш современник» (1998 г., № 11 — 12). Для Нилова Солженицын, конечно же, лютый враг, с потрохами продавшийся Западу. А для меня Нилов — тот безумно озлобленный человек, голос которого я слушал в телефонной трубке... Как говорится, два брата-акробата.

В. Нилов на чем свет стоит ругает Солженицына, особенно за то, что писатель, якобы, подыгрывает Западу и потому, дескать, является ненавистником России. Чушь, конечно! Ну а сам господин Нилов как оказался в обетованном мире?

Журнал «Наш современник» простодушино оповещает: «С 1949 года живет на Западе, перешел в свое время (как это — «перешел»?.. Взял да и пошел себе без оглядки за пограничный столб?.. — В.Ю.) в Западную зону Германии. Советский суд вынес ему приговор, который был гораздо серьезнее и страшнее, нежели приговор, вынесенный Солженицыну, так что с этой точки зрения Волин (т.е. Нилов. — В.Ю.) имеет полное моральное право писать об авторе «Архипелага ГУЛАГ» все, что он пожелает написать...» («Наш современник», 1998 г., № 11 — 12).

Странная, мягко скажем, логика. Выходит, Волин, добровольно сменивший для жителей удобства свое имя на Нилов, — герой дня, «имеющий полное моральное право» обливать грязью Солженицына, называть писателя «предателем», «лицемером» и пр. и пр. А я не имею морально-го права называть Солженицына патриотом России и выглядже, дескать, весьма посрамленным профессором...

Но его, Волина-Нилова, «переход в Западную зону Германии», в условиях «холодной войны» и резкого противостояния СССР и Западной Европы, — что, разве не предательство? Ведь господин Волин-Нилов из менил Родине, воинской присяге, перебежал на Запад, стал предателем. А Солженицын не предавал, не перебегал границы, его насилиственno, не спрашивая на то согласия, взяли да и вышвырнули, как щенка, в Западную Германию. Волин-Нилов, обустраиваясь на Западе, наверняка волил о претензиях в Советском Союзе, а Солженицын в это же время тянул ляжку в концлагере, вкалывая денно и нощно, подобно своему герою Ивану Денисовичу. И он же, много-страдальный мученик, — по «право-левой» логике профессионального патриота Волина-Нилова вкупе с «Нашим современником», «предатель»... Вот уж поистине фарисейство без конца и без края.

«Это почти детективная история, интриги которой надо суметь понять: юбилей Солженицына и лицемерие на исходе XX века», — точно, иронично подметил Олег Павлов («Москва», 1998 г., № 11, с. 125).

Вот уж воинству, будто в изрядном подпитии, заплутали в дебрях туманной политики иные наши «профессиональные патриоты», не знают, где лево, где право. Им лишь бы крушить, колошмарить, а кого — неважно. По принципу: бей своих, чтоб чужие боялись. А чужие-то не боятся — злорадно хихикают...

г. ТВЕРЬ